

Чу Циюнь всё ещё тихо улыбался, думая о том, как прекрасен Сяо Юйшань с его лицом, подобным нефриту. Он размышлял: «С таким человеком и думать забудешь о „сестричках из дворца“».

Пока Чу Циюнь предавался приятным мыслям, он вдруг услышал, как неподалёку его зовёт старший брат по учению, сообщая, что наставник хочет его видеть. Чу Циюнь не сомневался и поспешил к учителю, но, увидев в его руках тот самый парчовый мешочек, понял, что дело плохо.

Однако даос Цанъян не выказал гнева, а просто вернул мешочек Чу Циюню:

— Возвращайся.

— Учитель... — Чу Циюнь сжал мешочек в руке, слегка нахмутив брови.

Намерения Цанъяна были очевидны. Чу Циюнь с детства уважал и почитал наставника, и, хотя обычно был своенравен, никогда не осмелился бы вызвать его гнев. Однако сейчас, когда в императорском дворе царили интриги, Сяо Юйшань, несомненно, был в смятении. У Чу Циюня не было иных намерений, кроме как увидеть улыбку на лице того человека.

Будь то чашка медового чая или тайное письмо — даже малейшее проявление заботы успокоило бы его сердце.

Но учитель всегда избегал вовлечения храма Сяйхэ в придворные интриги. Каждый раз, когда император приходил для поста, он напоминал, что это место для спокойного самосовершенствования, будь то прямо или косвенно.

— Учитель, этот талисман предназначен для Его Величества, — Чу Циюнь, оказавшись в затруднительном положении, пытался уговорить наставника.

Цанъян не стал возражать, а лишь спросил:

— Его Величество с рождения благословлён удачей. Зачем ему талисман?

Чу Циюнь попытался найти оправдание:

— Хотя это так, но отправка талисманов из храма Сяйхэ во дворец уже стала обычным делом. Если не отправить, это вызовет подозрения.

Цанъян, поглаживая бороду, вздохнул:

— Циюнь, ты с детства был близок с императором, как братья. Но между вами пропасть, и втягиваться в эти интриги неразумно.

Наставник ясно объяснил все риски, и каждое слово било по сердцу Чу Циюня — как бы близки они ни были с императором, разница в их положении была непреодолима.

Увидев, как Чу Циюнь погружается в уныние, Цанъян снова покачал головой:

— Я забочусь не только о спокойствии храма Сяйхэ, но и о тебе.

Незаметно для себя Чу Циюнь сжал маленький мешочек так, что он покрылся морщинами, как и его душа в этот момент.

Знать мирские дела, но не быть поглощённым ими — это мудрость. Понимать мир, но оставаться чистым — это возвышенность.

Даос Цанъян был выше мирских забот, а Чу Циюнь — запутавшимся в мирских страстях, погружённым в чувства и соблазны. Хотя они были учителем и учеником, их пути никогда не сойдутся.

Сжав мешочек, Чу Циюнь вышел из комнаты и, оказавшись под крытой галереей, увидел, что небо покрылось тучами, словно разлитыми чернилами, предвещающая сильный дождь. Ветер с гор внезапно поднялся, раскачивая бамбуковые шторы, которые бились о красные колонны, вызывая беспокойство.

Чу Циюнь по-прежнему крепко держал мешочек, хмурясь и глядя в небо, где уже виднелись слабые вспышки молний. Гром грянул, нарушив тишину гор, и испуганные птицы с криками устремились к своим гнёздам.

Дождь приближался, и даже птицы знали, где укрыться, но кто-то всё равно стремился попасть в бурю.

Как говорится: «Не переходи реку, но если перешёл, то утонешь. Что с тобой делать?»

Чу Циюнь быстро нашёл зонтик и, несмотря на усиливающийся ветер и начинающийся ливень, шаг за шагом направился к воротам храма.

Не из-за бесстрашия перед смертью, а потому что некоторые люди стоят того, чтобы ради них рисковать.

Небо потемнело, словно чернила разлились по небосводу, окрашивая облака в чёрный цвет. Ветер с силой распахнул окна, впуская холодный дождь в комнату.

Сяо Юйшань, до этого отдыхавший с закрытыми глазами, услышал скрип окон и, почувствовав холодный ветер, вздрогнул, несмотря на конец весны и начало лета. В последнее время дела шли не лучшим образом: дело о руднике, казалось, наконец-то получило новый поворот, но после смерти Сяо Юйцуна зашло в тупик, и расследование стало невозможным.

Сегодня на утреннем совете князь Цзиньянь не явился, сославшись на болезнь, но это не остановило волнений. Сын князя Цзиньяня умер в тюрьме, а верховный воевода Чжан, давний друг князя и один из регентов, предложил вместе с Ань Фэном расследовать это дело.

Все знали, что смерть Сяо Юйцуна скрывала нечто большее, и за этим стояли запутанные сети влиятельных семей. Дело было настолько серьёзным, что доверить его можно было только самым надёжным людям, а верховный воевода Чжан не вызывал доверия у Сяо Юйшаня.

Поэтому он отказал, сославшись на то, что Ань Фэн уже полностью взял дело под контроль. Верховный воевода не стал спорить, но другие старшие чиновники выразили недовольство.

Во-первых, Ань Фэн был ещё молод, хоть и подавал надежды, но ему не хватало опыта. Во-вторых, верховный воевода Чжан давно вращался в придворных кругах и понимал все тонкости интриг, в отличие от Ань Фэна, который действовал прямолинейно и порой необдуманно. Таким образом, как с общественной, так и с личной точки зрения, чиновники выступали в защиту верховного воеводы.

Сяо Юйшань прекрасно понимал все эти хитросплетения, и его раздражение росло. Увидев,

что они рискуют разгневать императора, старшие чиновники поумерили пыл, но в душе надеялись, что Ань Фэн потерпит неудачу, чтобы поставить молодого императора в неловкое положение.

Снаружи снова грянул гром, словно разорвавшись прямо у уха. Сяо Юйшань чувствовал себя раздражённым, и начало лета только усиливало это ощущение. Грудь сдавило, и он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

В этот момент евнух Ван вошёл, чтобы сообщить:

— Даос Чу Циюнь из храма Сюйхэ принёс талисман.

— Зачем он пришёл? — хотя так сказал, Сяо Юйшань всё же приказал впустить его.

Евнух Ван, будучи проницательным, сразу же увёл всех слуг, сказав, что император хочет поговорить с даосом Чу Циюнем наедине. После утреннего совета все, кто находился рядом с императором, были на грани паники, и теперь, увидев спасителя, они с радостью поспешили выйти, чтобы пригласить даоса.

Какой зонтик может защитить от такой бури? Чу Циюнь пришёл, почти полностью промокший, его серо-голубая монашеская ряса была мокрой, а тканевые туфли — грязными. Он выглядел весьма неприглядно.

— На улице ветер и дождь, тебе стоило выбрать лучшее время, — Сяо Юйшань нашёл платок и бросил его Чу Циюню.

Тот поймал его и улыбнулся, его глаза сияли, как звёзды:

— Если бы было тихо и солнечно, я бы не пришёл.

— Что, снова хочешь поспорить? — сегодня Сяо Юйшань был не в настроении для шуток и просто спросил:

— Зачем ты пришёл?

Чу Циюнь не стал объяснять, а достал из-за пазухи парчовый мешочек и с поклоном протянул его. Сяо Юйшань взял его и почувствовал, что он тяжелый. Любопытствуя, он развязал шнурок и увидел маленький чёрный глиняный флакон.

Чу Циюнь, указывая на флакон, загадочно произнёс:

— Чудодейственное снадобье, исцеляющее от всех болезней.

— Шарлатан, — Сяо Юйшань сделал вид, что хочет выбросить его, подняв руку.

— Нельзя, нельзя! — Чу Циюнь притворился, что пытается остановить его, и между ними возникло некое понимание. — Это лекарство для очищения и улучшения зрения, специально для Вашего Величества.

— Ты оказался смышлёным, — Сяо Юйшань понял намёк, и улыбка наконец вернулась на его лицо, словно тучи рассеялись.

— Теперь лучше? — Чу Циюнь, увидев его улыбку, почувствовал удовлетворение, но его забота не уменьшилась.

Сяо Юйшань снова сел за стол, опершись на руку, и с полуулыбкой ответил:

— С тобой рядом всё будет в порядке.

— Конечно, конечно, — Чу Циюнь снова начал льстить, усевшись рядом с императором, как самый близкий человек. — Ведь я твой суждённый благодетель.

Чу Циюнь был весь мокрый, но всё же обнял Сяо Юйшаня за плечи. Тот оттолкнул его, нахмурившись и притворившись недовольным:

— Я велю приготовить тебе одежду.

— Не спеши, — Чу Циюнь притянул Сяо Юйшаня к себе, уложив его на мягкую подушку, и тихо сказал:

— Я очень беспокоился за тебя.

Тёплое дыхание коснулось губ Сяо Юйшаня, вызывая в его сердце волнение. Он вздрогнул и, подняв голову, легонько поцеловал его тонкие губы:

— Разве я не в порядке?

— Кажется, всё хорошо, но... — Чу Циюнь сделал паузу, затем тихо ответил:

— Но я боюсь, что в тебе накопился гнев, и ты не можешь его выпустить.

— Такова моя судьба как императора, — Сяо Юйшань улыбнулся ему, без тени жалости к себе, а его глаза и брови выражали нежность, словно цветущие персиковые цветы.

Сердце Чу Циюня содрогнулось, и он, забыв обо всём, начал снимать одежду, чтобы предаться страсти.

Сяо Юйшань обнял Чу Циюня за шею, его императорские одежды распахнулись, теряя всю свою величественность. Чу Циюнь снял с него золотую корону, украшенную драгоценностями, и аккуратно положил на стол. Но в самый разгар страсти, от одного резкого движения корона упала на пол и покатилась.

Сяо Юйшань часто хмурился, обнимая Чу Циюня за плечи, как будто погружаясь в водоворот страсти.

[Примечаний автора нет]

<http://bllate.org/book/16210/1455391>